

Капков Сергей Александрович

глава научно-учебной лаборатории
«Центр экономики культуры, городского развития
и креативных индустрий» экономического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация:

Статья посвящена онтологическим (сущностным) и аксиологическим (ценностным) аспектам трансформации городских общественных пространств (площадей, пешеходных дорог, парков и т. д.). Автором последовательно рассмотрены следующие вопросы: какие практики и ценности воспроизводят городские общественные пространства, как они сами воспроизводятся и почему меняются их функции? Выявлено, что общественные пространства нейтрализуют социальные, экономические, этнические и другие различия между людьми и формируют городскую идентичность. Преобразование общественных пространств в современных городах направлено на доступность их для всех категорий горожан, выравнивание стандартов и вовлечение горожан в управление городом.

Ключевые слова:

город, горожане, городское общественное пространство, ценности, инклюзия, идентичность, функционал, трансформация, управление изменениями.

Kapkov Sergey Aleksandrovich

Head of Academic and Research Laboratory
"Culture, Urban Development
and Creative Industries Center", School of Economics,
Lomonosov Moscow State University

DEVELOPMENT OF URBAN PUBLIC SPACES: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

Summary:

The article deals with the ontological and axiological aspects of the transformation of urban public spaces (squares, pedestrian roads, parks, etc.). The author discusses the following questions: which practices and values are reproduced by urban public spaces, how they reproduce themselves, and how they change their functions. It has been found that the public spaces neutralize social, economic, ethnic and other differences between people and form the urban identity. Transformation of public spaces in contemporary cities is focused on their openness for all citizens, balance of standards, and involvement of people into the city management.

Keywords:

town, city people, urban public spaces, values, inclusion, identity, functionality, transformation, management of transformations.

Развитие общественных пространств – одна из краеугольных тем всех современных наук о городе: урбанистики, социологии, социальной философии, социальной психологии, экономики, антропологии, этнографии и т. д. Это не случайно: общественные пространства – одновременно узлы важных городских проблем и те точки, которые могут определить будущее городов, их привлекательность для жителей, безопасность и экономическую успешность.

Большую роль в привлечении внимания к роли городских общественных пространств сыграли две книги, вышедшие в Америке в 1989 г.: «Смерть и жизнь больших американских городов» Джейн Джекобс и «Третье место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места "тусовок" как фундамент сообщества» Рэя Ольденбурга.

Джейн Джекобс размышляла о судьбах улиц и парков и обнаружила, что эти пространства, как ключи, способны открыть путь ко всем проблемам большого города. Революция в представлениях, которую произвела Дж. Джекобс, состояла в продвижении идеи: современный город живет и успешно развивается не благодаря реализации гениальных градостроительных теорий и архитектурных фантазий, а ввиду разнообразия и гибкости механизмов саморегуляции. Так, один из главных факторов привлекательности города и его районов – безопасность жителей и приезжих. Но, отмечает исследовательница, весь опыт говорит о том, что наиболее безопасны не те места, где больше всего полиции, а те, где интенсивнее всего общественная жизнь. Такие места наиболее прозрачны, и люди сами мотивированы поддерживать в них спокойствие и порядок. Сети местных площадок и заведений – культурных, торговых, образовательных, развлекательных – формируют среду, которая адаптирует «новичков» и нейтрализует «чужаков», приучая всех к определенным правилам общения и терпимости.

Рэй Ольденбург был озабочен стремительно сокращавшимся в конце 1980-х гг. числом площадок неформальной городской коммуникации. Введенное им понятие «третье место» (первое место – дом, второе – работа), как правило, относится к частным коммерческим заведениям – кафе, магазинам, салонам и т. д., но перечисленные автором функции «третьих мест» во многом те же,

что и у общественных пространств. «Первой и самой главной функцией» он называет объединение района: жители узнают друг друга, приучаются общаться и при необходимости решать общие проблемы. Вторая функция – ассимиляция приезжих. Третья – поиск людей с похожими интересами. «Третьи места» часто служат тому, чтобы впервые свести людей вместе – людей, которые позже создадут другие формы общения [1, с. 22]. Другие функции: выявление «публичных персонажей», которые благодаря личным качествам станут играть важную роль в районе; совместный отдых молодежи и старших, взаимодействие поколений; социализация детей; поддержание социализации пенсионеров; общение ради совместного веселья, которое стоит отделять от развлечений, узурпированных индустрией; развитие чувства принадлежности к данному месту и обществу; интеллектуальный, политический и культурный форум; наконец, «третьи места» могут служить офисом, когда какие-то деловые встречи и переговоры удобнее проводить в неформальной обстановке. Буквально все из перечисленных функций могут выполнять и общественные пространства, которые находятся в государственной или муниципальной собственности, – парки, библиотеки, общедоступные площадки разнообразных культурных институций. Не случайно выражение «третье место» в современных СМИ трактуется более широко и охватывает любые места, где люди могут неформально общаться.

После огромного успеха книг Дж. Джекобс и Р. Ольденбурга появились работы Роберты Грац, Бернарда Рудофски, Уильяма Х. Хайта, Чарльза Лэндри, Ричарда Флориды, Шарон Зукин и многих других авторов, серьезно затрагивающие или напрямую посвященные вопросам развития общественных пространств. Нельзя не отметить и глубокие исследования российских урбанистов, прежде всего В.Л. Глазычева и А.А. Высоковского.

Второе десятилетие XXI в. еще больше усилило интерес к этой теме, чему способствовали такие факторы, как активная ревитализация городских пространств, утративших свое экономическое, политическое и социальное значение (необщественные пространства становятся общественными и наоборот); развитие инклюзии – включение людей, чьи возможности здоровья по разным причинам ограничены, в более интенсивные городские коммуникации; общественные движения, захватывающие большие городские пространства, – Таксим в Стамбуле, Майдан в Киеве, Occupy Wall Street в США, демонстрации и митинги в Москве; наконец, террористические акты и угрозы, выбирающие целью общественные пространства и большие скопления народа.

Городское общественное пространство: к определению понятия

Понятие «городское общественное пространство» связывает три категории, каждая из которых сама с трудом поддается точной дефиниции: «город», «общество» и «пространство». Сейчас после многочисленных попыток придумать «всеобщее» определение понятия «город» становится ясно, что такового нет и, по всей видимости, уже и не будет. Город всегда оказывается сложнее, чем любое его описание, сколь угодно точным и подробным оно бы ни было [2, т. 1, с. 92]. Не проще ситуация и с двумя другими категориями, но мы попробуем уточнить их смысл через анализ наших объектов.

Начнем с *пространства*. В объем понятия «городские общественные пространства» входят локальные территории: площади, рынки, набережные, парки, прогулочные дороги, бульвары, кладбища, общественные площадки административных, религиозных, культурных и спортивных объектов и т. д. По своим пространственным характеристикам их разделяют на открытые (являющиеся частью городского ландшафта) и закрытые (расположенные внутри зданий или на изолированных территориях), по месту в структуре города – на центральные и периферийные.

Вместе с тем это не только и не столько локации, но и практики и смыслы, которые на них или в них воспроизводятся. У каждого такого места имеется свой функционал, то есть комплекс активностей, которые ежедневно или периодически там происходят. Он может быть узко специализированным (например, рыночная площадь) и более широким (скажем, на ратушной площади могли зачитываться указы, происходить городские праздники и устраиваться публичные казни). Этот функционал подвижен, то есть может меняться с течением времени.

Исторические и экономические процессы могут изменять функционал общественных пространств в массовом масштабе. После падения коммунистического режима и в результате экономических преобразований культурные и спортивные объекты во многих городах бывшего СССР начали превращаться в вещевые рынки – на это был широкий общественный запрос. Но был и другой запрос: так, планетарий в центре Риги снова стал кафедральным собором, которым и являлся до советских времен, а в некоторых российских городках кинотеатры перестраивались в церкви, потому что своих церквей там не было, а строить новые не хватало средств. Другой процесс, начавшийся в Европе и затем охвативший все континенты, – преобразование бывших промышленных строений, районов и целых регионов (как Рурский бассейн), из которых ушло производство, в общественные пространства. Самый актуальный пример в сегодняшней Москве – редевелопмент автопромзоны Завода им. И.А. Лихачева в «Полуостров ЗИЛ», который станет

«городом в городе» и объединит жилые постройки, культурные и образовательные пространства, сеть каналов, набережные, бульвары и парки.

Таким образом, слово «пространство» соединяет в себе три смысла: 1) ограниченная территория; 2) место, хранящее историческую память; 3) функционал, или комплекс практик, которые на этом месте продолжают воспроизводиться.

Второй признак, выраженный в названии рассматриваемого класса объектов, – это пространства *общественные*. В этом определении содержатся тоже по крайней мере три смысла: 1) это не частные пространства, они находятся в государственной или муниципальной собственности; 2) они потенциально доступны всему городскому сообществу и, как правило, бесплатны; 3) они используются на благо общества, то есть их функционал востребован разными категориями горожан.

Выше уже было сказано, что форма собственности не создает жестких границ между частными кафе и общественными библиотеками. О многих частях современного города невозможно сказать, частные они или общественные, государственные или гражданские, центральные или периферийные [3, с. 32–33]. Форма собственности имеет значение для управления этими пространствами. Как следствие, частные институции могут иметь больше степеней свободы, чем государственные и муниципальные, но могут и оказаться заложниками вкусов и предубеждений своего владельца. Тем не менее реальное значение того или иного пространства определяет не наличие хозяина, а то, как и насколько оно востребовано обществом.

Понятие «общество», понимаемое как организатор, заказчик и пользователь услуг общественных пространств, тоже исторически подвижно, что сказывается на доступности разных пространств для разных групп горожан. В современном демократическом понимании общество должно охватить всех людей, и идея инклюзии как раз направлена на то, чтобы все общественные блага были доступны и для более бедных категорий населения, и для тех, чьи права ущемлены по национальным, религиозным, социальным, культурным и другим причинам, и для тех, чья активность ограничена возможностями здоровья и развития.

Двигаясь от конца к началу, мы дошли до третьего признака наших объектов – *городских*. По своему объему понятия «городские пространства» и «общественные пространства» – два пересекающихся множества. Городские пространства могут быть не общественными, а жилыми и рабочими. Общественные пространства имеются не только в городах, но и в селах и деревнях (церковь, рынок, клуб, места сходов и посиделок), и на больших территориях (например, тинг, куда сходились жившие обособленными семьями-хозяйствами средневековые германцы и скандинавы).

Что отличает общественные пространства именно в городе? Если посмотреть на функции, перечисленные Р. Ольденбургом, то большая часть из них свойственна сельским и деревенским сообществам едва ли не в большей степени, чем городским. Коммуникации в деревне, «где все друг друга знают», не говоря уже о связи поколений, более концентрированы, чем в городе. Город благодаря наличию «третьих мест» скорее пытается преодолеть свойственную ему атомизацию и отчуждение жителей друг от друга. Но одну из функций, названных Р. Ольденбургом, – развитие чувства принадлежности к данному месту и сообществу, – можно уточнить, и мы получим признак, который представляется ключевым и специфичным именно для городских общественных пространств.

Городские общественные пространства воспроизводят не только свой функционал и не просто коммуникационные пространства – они формируют новые типы идентификации человека.

Человек как природное существо детерминирован рядом факторов. Это его пол, возраст, психотип, внешность, состояние здоровья, наследственность и т. п. Как социальное существо он тоже в основном детерминирован – своим классом, гендером, социальными группами, имущественным положением, воспитанием и т. д. И бремя этих детерминирующих идентификаций он должен пронести через всю жизнь, они определяют его место в социальной структуре, политическом и экономическом пространствах – где и среди кого он будет жить и функционировать.

Только попадая в общественное пространство города, он частично освобождается от принудительной заданности своего бытия. Груз детерминант не исчезает, но частично нейтрализуется, потому что в каждом месте, в каждой практике возникают новые идентификации: во время политических и гражданских акций все становятся гражданами, на параде – все победители, в церкви – все дети Божьи, в театре – все зрители, на выставке – все ценители искусства (даже тот, кто не является знатоком, самим местом поставлен в позицию эксперта). Парк – одно из самых многофункциональных общественных пространств, здесь можно прогуливаться, отдыхать, играть, назначать свидания и встречи, заниматься спортом, фотографироваться, и сам этот веер подвижных, может быть, сиюминутных ролей складывается в зыбкую идентификацию «че-

ловек в парке» или «посетитель парка». Несмотря на всю зыбкость, благодаря тому что представители этой идентификации находятся в ограниченном пространстве, мы можем их посчитать и выяснить, что в 2010 г. в Москве было 10 млн посетителей парков, а в 2014 г. стало 35,7 млн.

В отличие от детерминирующих характеристик подобные общности возникают только в данном пространстве. В них можно входить и выходить, это подвижные идентификации, и вместе с ощущением причастности и единения они дают человеку ощущение свободы.

Британский социолог Джон Урри отмечает особое место тротуаров и других прогулочных площадок, поскольку телесная активность свободно передвигающегося человека – практика, наиболее утверждающая социальное равенство всех членов общества. Ходьба также является самой «эгалитарной» из всех систем мобильности. Хотя прогулка и маркирована классовой, гендерной, этнической и возрастной принадлежностью и на возможность пешего хождения сильно влияет доступность технологий, все же в этой системе мобильности социального неравенства гораздо меньше, чем в остальных. При прочих равных чем мощнее пешеходная система, тем меньше социального неравенства в обществе. Можно сказать, что тротуары и тропы для «общества» значительно полезней, чем кресла и автомобили [4, с. 197–198].

Общественные пространства и коллективные нетрудовые практики в селе и деревне тоже выполняют аналогичную – компенсирующую и освобождающую – роль, но там они более синкретичны и их не так много. В городе общественные практики дифференцированы и специализированы, как и все остальное – социальные стратификации, разделение ремесел, а затем индустриальных форм производства и т. д. «Воздух города» или «стены города делают человека свободным», говорили в средние века. Но освобождают не воздух и не стены, а общественная среда, которая формируется не во дворцах, не в хижинах, не в казармах, не в мастерских, не на заводах, где жизнь детерминирована и функциональна, а в городских общественных пространствах и исходящих там действиях.

Теперь можно сформулировать общее понятие: городские общественные пространства – это городские территории, не находящиеся в частном владении, потенциально доступные всем членам городского сообщества, выполняющие общественно полезные функции, способствующие коммуникации и солидарным действиям горожан, формирующие и воспроизводящие городские идентичности.

Трансформация городских общественных пространств и человеческие ценности

Как уже неоднократно замечалось, многие городские общественные пространства переживают трансформации – меняется их функционал, необщественные пространства преобразуются в общественные и наоборот, к одним пространствам горожане теряют интерес, другие успешно завоевывают популярность и становятся центрами городского притяжения. Чтобы сориентироваться в этой динамике, нужно понять, как наши объекты возникают и как они воспроизводятся.

Существуют два способа возникновения городских пространств – стихийная самоорганизация и проектирование. Между ними лежит реорганизация и перепланировка уже существующих пространств. Агора – рыночная площадь в городах Древней Греции, одновременно служившая средоточием религиозной, политической и деловой жизни, – в самых древних городах формировалась довольно бессистемно. Вокруг открытого пространства выстраивались святилища, общественные здания и торговые ряды. В эллинистическую эпоху агора уже планировалась по определенному стандарту. Афинская агора, судя по всему первоначально не имевшая никакого плана, была перестроена во II в. до н. э. и на современных реконструкциях имеет более рациональный и «классический» вид. В последующие эпохи мы имеем много примеров упорядочения ранней стихийной застройки городов, такие как деятельность императора Карла IV в Праге в XIV в., предопределившая развитие города на столетия вперед, или перестройка Парижа по проекту барона Османа в XIX в., решавшая многочисленные задачи – от того, как соединить пешеходные пути и стремительно развивающееся движение городского транспорта, до того, как сделать невозможным повторение баррикадных боев на парижских улицах.

В наши дни пространства, которые устойчиво воспроизводятся, сохраняя свой функционал, не требуют от городской власти активного вмешательства – для них достаточно механизмов мягкого регулирования, проведения ремонта и других поддерживающих мер. Но в ситуации, когда общественные пространства теряют присущий им функционал, общественную привлекательность, становятся нерентабельными и отягощающими городской бюджет либо, наоборот, обнаруживают потенциал нового роста, а также если возникают общественные угрозы, связанные с данными пространствами, появляется необходимость в административном вмешательстве и переходе к активному управлению их развитием.

Управление – это всегда выбор между альтернативами: что отсечь, что ввести, куда направить, во что вложить ресурсы? Все решения, которые принимаются в ситуации выбора, основываются на ценностях. Именно более важная ценность определяет предпочтительное решение.

А.А. Высоковский, много размышлявший о том, какие ценности выражены в городской жизни, предполагал, что существуют ценности особого рода, упорядочивающие бытование, поведение и деятельность человека в географическом пространстве [5, т. 1, с. 110–115; т. 3, с. 27–29]. Он определял их как «материальные и ментальные конструкции одновременно, объекты, сцепленные со значениями. И действуют они в среде обитания человека, по нашему определению также являющейся соединением материального, искусственного и природного окружения с жизнедеятельностью, сознанием и духовностью обитающих в нем людей» [6, т. 1, с. 110].

Пространственные ценности – не абстракции, которыми оперирует классическая аксиология (религиозность, нравственность, красота, целесообразность, удовольствие и т. д.). Они выражены в самой структуре планировки городов и являются своеобразными «точками отсчета» любой освоенной территории. Агора – центр греческого города – могла складываться стихийно, но сама она была выражением общественного, экономического и мифопоэтического сознания жителей греческого полиса. Другие точки отсчета – мандала в древней и современной Индии, круг с вписанным в него квадратом, обозначающие Вселенную в ее целостности, или практика фэншуй в странах Дальнего Востока, упорядочивающая потоки энергии, чтобы сделать их благоприятными для человека.

Вслед за Э. Панофским можно выявить общие идеи, выраженные в высокой готике и схоластической философии и в ценностной революции, которую произвели мыслители и строители Ренессанса. Барокко, классицизм, романтизм, модерн, авангард, постмодернизм – каждая эпоха находила новые формы для пространственной реализации новых смыслов, которые открывало развитие западного общества и в общем фарватере которых развивалось и российское общество Нового времени. Вместе с тем ценности, выраженные в городской планировке и архитектуре, неоднородны.

Одна из главных проблем городской среды, по А.А. Высоковскому, состоит в том, что «негативные черты в городе – шум, загрязненность, теснота, небезопасность улиц, чрезмерная трата времени на перемещения и многие другие – неустранимы и вечны, как и сам город» [7, т. 3, с. 28]. Примирить негативное с позитивным горожанину помогает психологический механизм, который исследователь назвал *компенсаторной механикой оценки и создания среды*. Горожане выстраивают свое отношение к тем или иным местам, одновременно используя две конкурирующие ценностные шкалы. Первая задается главным местом города, как правило его центром. «Данная шкала удерживает ценность коллективного, публичного начала в городе» [8]. Не случайно стоимость жилья и аренды пространств тем выше, чем они ближе к центру, к наиболее важным административным, культурным, торговым, коммуникационным объектам города. «Вторая шкала задается ценностью персонального мира человека. Это шкала ценностей приватной, индивидуальной жизни, связанная с квартирой, дачей, старой квартирой родителей, двором, кварталом. <...> Здесь ценятся совершенно иные смыслы жизни в городе – тишина, близость природного окружения, обилие зелени, ограниченность доступа на жилую территорию» [9].

Компенсаторная механика обеспечивает баланс этих ценностей. Более высокие оценки места по одной шкале неизбежно оказываются низкими по другой. Планирование, проектирование и управление городской средой должно опираться на понимание этих компенсаций, и это непосредственно определяет структуру и субординацию общественных пространств.

Парадоксальным образом описанные А.А. Высоковским ценностная шкала 1 и ценностная шкала 2 напоминают понятия «культура 1» и «культура 2», введенные историком архитектуры В.З. Паперным, только с перевернутыми индексами. Его знаменитая книга «Культура Два» [10] – близкое к исчерпывающему исследование российских ценностных концептов, выраженных в архитектуре и проектировании городских пространств в Новое время (отсчитывая от петровских реформ). Мы циклично возвращаемся к имперской идее демонстрации величия, которая выражается в градостроительной вертикали, центростремительности и эклектике (культура 2), но даже когда отступаем от нее к более демократическим – горизонтальным и центробежным – формам организации своего пространства (культура 1), они часто принимают у нас обличье уравнительной утопии и обезличенной стандартизации.

Объяснение сходства первой шкалы А.А. Высоковского с культурой 2, а второй шкалы – с культурой 1 видится нам, конечно, не в том, что современный урбанист сознательно или бессознательно воспроизвел архетипы, свойственные отечественной культуре, а скорее в том, что культура 2 – не специфически российское явление, а проявление нарушенного в российской культуре *баланса ценностей*. Нам свойственно впадать в крайние формы, и, вместо того чтобы одно компенсировалось другим, у нас попеременно то одна, то другая шкала «зашкаливает». Но то, что в советское время выражалось достаточно системно (доминирование культуры 1 в 1917–1932 гг., культуры 2 в 1932–1954 гг., затем снова отход к культуре 1), в 2000-е гг. стало проявляться беспо-

рядочно и подчас гротескно. На сегодняшнем пространстве Москвы Москва-Сити, Дом музыки, ансамбль на Поклонной горе, памятник Петру I, памятник святому князю Владимиру – характерные продукты культуры 2, но воспринимаются они либо как откровенная архаика, либо как не очень удачная имитация мировых образцов. Это типичное творчество чиновников, а не решение насущных задач города.

Актуальная ценностная повестка для сегодняшних российских городов (и, разумеется, не только российских) – понижение прессинга во всех его формах: административных, энергетических, информационных, транспортных и пр. Много говорится о необходимости экологичного отношения к природе, страдающей от антропогенных нагрузок и перегрузок, но экологичного отношения заслуживает и сам человек, страдающий от перегрузок техногенных и социогенных. Главной целью города становится внимание к горожанину и его интересам, создание возможностей для его разносторонней самореализации. Такому типу городской среды соответствуют рыночная экономика, активная поддержка малого бизнеса, демократические установки в принятии решений, толерантное отношение к разным культурам и образам жизни.

Когда мы приезжаем в современные европейские города, в Берлин, Барселону, Прагу, даже в маленькие городки, везде видим, что европейские ценности – не слова, а практики, нашедшие те самые пространственные воплощения, о которых говорил А.А. Высоковский. Это прежде всего выравнивание стандартов жизни и инклюзия – свободный, удобный и привлекательный доступ для всех.

Город становится осмысленным человеческим и общественным пространством, когда сами горожане формируют позитивную городскую повестку. Самые живые города – те, в которых действуют механизмы самоорганизации, самые мертвые – те, которые целиком родились в головах чиновников, учила Джейн Джекобс [11].

Появление у людей ответственности за свой город и то, что в нем происходит, – в этом видят важную роль общественных пространств авторы доклада «Мировые города 2016: Урбанизация и развитие – планирование и регулирование надвигающегося будущего общественных пространств», подготовленного экспертами британской компании WOP Consulting на основе данных, предоставленных городами-участниками Культурного форума мировых городов: «Доступ к общественным открытым пространствам и их использование является первым физическим и одновременно с этим весьма символическим шагом в сторону расширения гражданских прав и возможностей, увеличения доступа людей к институциональным и политическим пространствам. Хорошо продуманные и ухоженные улицы и общественные пространства приводят к снижению уровня преступности и насилия. Общественные пространства могут сделать города более успешными и процветающими, изменить жизнь горожан и сам образ города. В более общем плане жителям легче проявлять себя в условиях гибкой городской среды, создавая чувство гражданской общности и принадлежности для нынешних и будущих поколений, которые должны воспитываться с целью осуществления ими впоследствии управления на основе широкого участия» [12, p. 192].

Ссылки:

1. Ольденбург Р. Третье место: Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М., 2014. 454 с.
2. Высоковский А.А. Сочинения : в 3 т. М., 2015. Т. 1. Theory. 436 с. Т. 2. Practice. 400 с. Т. 3. Public. 352 с.
3. Трубина Е.Г. Публика: краткий очерк понятия // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М., 2013. С. 25–34.
4. Урри Дж. Мобильности. М., 2012. 576 с.
5. Высоковский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 110–115. Т. 3. С. 27–29.
6. Там же. Т. 1. С. 110.
7. Там же. Т. 3. С. 28.
8. Там же.
9. Там же.
10. Паперный В.З. Культура Два. М., 2006. 407 с.
11. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011. 457 с.
12. World Cities Report 2016. Urbanization and Development: Emerging Futures. UN-Habitat, 2016. 262 p.

References:

- Jacobs, J 2011, *The Death and Life of Great American Cities*, Moscow, p. 457, (in Russian).
- Oldenburg, R 2014, *Third Place Cafe, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other "parties" place as the foundation of the community*, Moscow, p. 454, (in Russian).
- Papernyi, VZ 2006, *Culture Two*, Moscow, p. 407, (in Russian).
- Trubina, EG 2013, 'Audience: a brief sketch of the concept', *Public sphere: theory, methodology, case study*, Moscow, pp. 25-34, (in Russian).
- Urry, J 2012, *Mobility*, Moscow, p. 576, (in Russian).
- Vysokovsky, AA 2015, *Compositions: in 3 vols.*, Moscow, vol. 1, *Theory*, p. 436, vol. 2, *Practice*, p. 400, vol. 3, *Public*, p. 352, (in Russian).
- World Cities Report 2016. Urbanization and Development: Emerging Futures. UN-Habitat 2016, p. 262.*